

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 1(091) +16 + 17 + 51-7 + 2 + 008 + 80:51

В. О. Лобовиков

ПРИНЦИП КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТИ В ФОРМАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Ценностные функции от конечного числа ценностных переменных в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии как денотаты слов и сложных словосочетаний естественного языка культуры

Предмет исследования — формально-аксиологическая семантика естественного языка вообще и естественного языка этики (философии морали) и религии в особенности. Метод — дискретное математическое моделирование: категории «бытие», «небытие», «дозволение», «убийство», «самоубийство», «Бог», «вера», «надежда», «любовь» и другие точно определяются и исследуются как ценностные функции от конечного числа ценностных переменных. Научная новизна результатов: на уровне предложенной дискретной математической модели формальной аксиологии впервые продемонстрировано, что обобщенный лингвистический принцип композициональности значений сложных выражений языка исправно функционирует в языке морали и религии. Тем самым продемонстрировано, что, в сущности, семантика языка культуры является не формально-логической (истинностно-функциональной), а формально-аксиологической (ценностно-функциональной).

Ключевые слова: естественный язык культуры, формально аксиологическая семантика, ценностно-функциональное значение, дискретная математическая модель, ценностная переменная функция, композиция, композициональность.

1. Два мира, два языка, два денотата, две семантики, два вида нонсенса и два качественно различных принципа композициональности значений сложных словосочетаний в естественном языке

Чтобы преодолеть одностороннее восприятие «мира», заменив его двусторонним, в данной работе систематически рассматривается еще и тот мир, который находится *в отношении дополтельности* к миру «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна [2]. Упомянутый мир, находящийся по ту сторону мира

«Трактата» и неосознанно или из принципа не замечаемый философами-аналитиками, необходим для полноты универсума философского дискурса. Согласно Витгенштейну метафизический субъект (Я) не принадлежит миру «Трактата», он есть граница (этого) мира — тотальности фактов [2, 81]. Упомянутая граница разделяет универсум философского дискурса на две взаимоисключающие подобласти — (этот) мир как тотальность фактов (обозначим этот мир символом M^1) и мир как тотальность ценностей (обозначим его символом M^2). Первый (мир «Трактата») изучен в современной аналитической философии достаточно хорошо, а вот о втором этого пока сказать нельзя.

Согласно «Трактату» Витгенштейна в мире M^1 никаких ценностей нет [Там же, 95]. Нет в этом мире и оценок как таковых, т. е. как результатов сравнения с ценностями. Следовательно, истинностные оценки (truth-values) как оценки (values) тоже не принадлежат миру M^1 : «Логика трансцендентальна» [Там же, 89]. Этика, эстетика и прочие аксиологические дисциплины также трансцендентальны [Там же, 95]. Тот язык, который изоморфен миру «Трактата» (назовем его языком $Я^1$), нельзя использовать в разговорах о чистых ценностях: в противном случае эти разговоры бессмысленны (не имеют семантического значения). Поэтому, используя язык $Я^1$, необходимо воздерживаться от суждений о ценностях (принадлежащих миру M^2): на языке $Я^1$ о мире M^2 нужно молчать.

Тем не менее (хотя, по мнению некоторых, это проявление непоследовательности поведения) сам Витгенштейн отнюдь не молчал о ценностях (на что ему или в ядовито-язвительной, или в дружелюбно-ироничной форме указывали некоторые его коллеги). Он не воздерживался от обсуждения основополагающих ценностей и от высказывания вполне определенных оценок на уровне *естественного* языка. Многие факты его частной жизни, представленные в его дневниках [5], его философские тексты [2–4] и воспоминания тех людей, с которыми он общался, свидетельствуют о том, что он искренне придерживался вполне определенных религиозных и моральных ценностей и норм поведения, стремился последовательно руководствоваться ими в своей жизни [1]. Таким образом, Витгенштейн действительно жил и в мире ценностей (M^2), и в мире фактов (M^1), и на границе этих двух миров. По определению мир M^2 есть тотальность ценностей (и только ценностей). Факты не принадлежат миру M^2 . Обсуждаемые миры M^1 и M^2 взаимно исключают и дополняют друг друга. Их объединение образует *универсум дискурса*, осуществляемого на *естественном* языке. Тот язык, который изоморфен миру «Трактата», является важной подсистемой естественного языка как системы. Другой важной подсистемой естественного языка как системы является такой язык, который изоморфен миру чистых ценностей (M^2). Назовем этот язык языком $Я^2$. Его нельзя использовать в разговорах о чистых фактах: в противном случае эти разговоры бессмысленны (не имеют семантического значения). Поэтому, используя язык $Я^2$ и только его, необходимо воздерживаться от суждений о чистых фактах (принадлежащих миру M^1): на языке $Я^2$ о мире M^1 нужно молчать. Нарушения этого запрета порождают семантические нонсенсы.

Существует два качественно различных вида нонсенсов. Один их вид (обозначим его символом N^1) — результат использования языка $Я^1$ в разговоре о мире M^2 .

Другой вид нонсенов (обозначим его символом N^2) возникает в результате использования языка $Я^2$ в разговоре о мире M^1 . Отношение $\langle M^1, Я^1 \rangle$ образует дескриптивно-индикативную (формально-логическую) семантику, обозначаемую символом S^1 . Отношение $\langle M^2, Я^2 \rangle$ образует ценностную (формально-аксиологическую) семантику, обозначаемую символом S^2 . Поскольку первая (семантика) в настоящее время уже хорошо изучена, а вторая почти неизвестна, далее в статье внимание будет уделяться преимущественно формально-аксиологической семантике, имеющей дело с формально-аксиологическими денотатами и значениями (обозначим их символом Z^2) слов и словосочетаний естественного языка. (Дескриптивно-индикативные значения и денотаты слов и словосочетаний естественного языка обозначим символом Z^1 .) Нонсенс N^1 не имеет Z^1 при описании мира M^2 на языке $Я^1$. Нонсенс N^2 не имеет Z^2 при описании мира M^1 на языке $Я^2$.

Обсуждаемое «раздвоение» не есть патологический раскол психики метафизического субъекта. «Раздвоение» (мира, языка, семантики, денотата, нонсенса) не является абсолютным. «Удвоившиеся» элементы мировоззрения образуют логически организованную систему. Эта система как единое целое может быть графически представлена в виде логического квадрата и содержащего его в себе гексагона. Чтобы осуществить такое графическое представление, введем следующие обозначения.

Пусть символ $Z(d)$ обозначает утверждение «слово (или словосочетание) d (естественного языка) имеет денотат или (семантическое) значение, т. е. является осмысленным (имеет смысл), или при разговоре о мире M^1 , или при разговоре о мире M^2 ». Символ $Z^1(d)$ обозначает утверждение «слово (или словосочетание) d (естественного языка) имеет денотат или (семантическое) значение (является осмысленным, т. е. имеет смысл) при разговоре о мире M^1 ». Символ $Z^2(d)$ — утверждение «слово (или словосочетание) d (естественного языка) имеет денотат или (семантическое) значение, т. е. является осмысленным (имеет смысл), при разговоре о мире M^2 ». $N^1(d)$ — утверждение «слово (или словосочетание) d (естественного языка) не имеет ни денотата, ни (семантического) значения (представляет собой *нонсенс*) при разговоре о мире M^1 ». $N^2(d)$ — «слово (или словосочетание) d (естественного языка) не имеет ни денотата, ни (семантического) значения (представляет собой *нонсенс*) при разговоре о мире M^2 ». $N(d)$ — «слово (или словосочетание) d (естественного языка) не имеет ни денотата, ни (семантического) значения (представляет собой *нонсенс*) вообще, т. е. не имеет ни денотата, ни (семантического) значения ни в мире M^1 , ни в мире M^2 ». Если эти конвенции принимаются, то система логических взаимоотношений между важными для философско-лингвистической теории значения семантическими утверждениями $Z(d), Z^1(d), Z^2(d), N^1(d), N^2(d), N(d)$ может быть представлена в виде следующей ниже наглядной графической модели — логического квадрата и расширяющего его (содержащего его в себе) гексагона (рис. 1).

На рис. 1 стрелки обозначают отношение логического следования. Линии, пересекающие квадрат, обозначают отношение контрадикторности. Верхняя горизонтальная линия квадрата — контрарность. Нижняя — субконтрарность. Этот квадрат и содержащий его в себе гексагон дают возможность наглядного представления системы логических взаимосвязей между сформулированными

выше абстрактными семантическими положениями.

На уровне предложенной графической модели видно, что ошибочно логическое отождествление отсутствия у словосочетания d денотата или семантического значения при разговоре о мире M^1 с отсутствием у словосочетания d денотата или семантического значения вообще. В общем виде: утверждения ($N^1(d) \equiv N(d)$) и ($N^1(d) \supset N(d)$) неверны; и утверждения ($N^2(d) \equiv N(d)$), ($N^2(d) \supset N(d)$) тоже неверны (в общем виде). (Здесь символы \equiv и \supset обозначают логическую эквивалентность и материальную импликацию соответственно.)

Поэтому сциентизм (scientism), отвергающий метафизические (=формально-аксиологические) сентенции (действительно не имеющие ни денотата, ни семантического значения в мире M^1) как *абсолютно* бессмысленные, объявляющий их не имеющими *никакого* денотата или семантического значения (=абсолютной бессмыслицей), чрезмерно упрощает ситуацию в лингвистической философии, символической логике и философии культуры вообще.

Поскольку в качестве денотата выступают или некоторый предмет, или некоторое множество предметов, или некоторое множество множеств предметов, постольку здесь уместно заметить, что логический аспект универсальной философской теории предметов может быть графически представлен в виде квадрата и включающего его в себя гексагона (рис. 2).

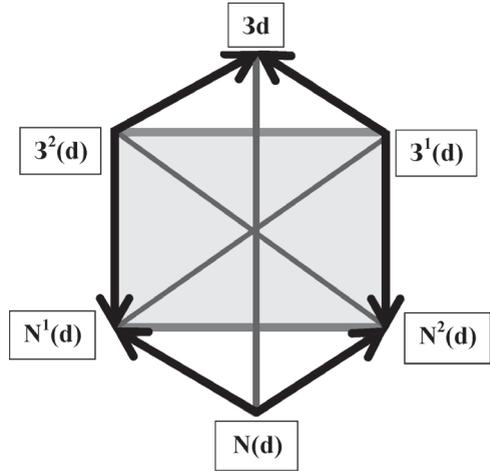

Рис. 1. Логический квадрат и гексагон семантических сентенций

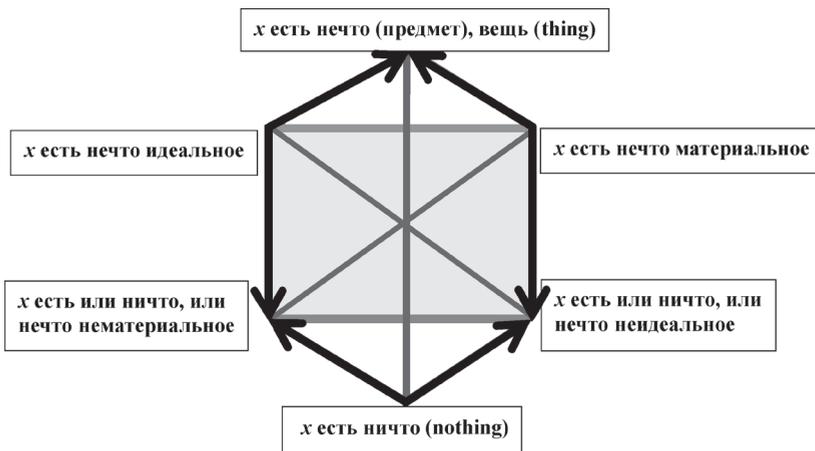

Рис. 2. Логические квадрат и гексагон, представляющие собой универсальную философскую теорию предметов сознания

По моему мнению, эти логические квадрат и гексагон оппозиции понятий различных типов предметов находятся в гармонии со знаменитой «австрийской теорией предметов» [11, 20–24], которая успешно преодолевала характерное для вульгарного философского материализма отождествление понятия «предмет (сознания)» с понятием «материальная вещь».

Перейдем теперь от абстрактного разговора о формально-аксиологической семантике естественного языка культуры вообще к экземплификации этого разговора на материале естественного языка этики (моральной культуры поведения) и религии (религиозной культуры).

2. Формально-аксиологическая семантика естественного языка (на материале естественного языка морали и религии)

В современной научной литературе существует концепция, согласно которой любая философия, в сущности, есть формальная аксиология [15, 16]. Неаксиологические (фактологические) аспекты в философии также присутствуют, но они не принадлежат ее сущности. Поэтому, вообще говоря, философия морали (этика), философия искусства (эстетика), философия религии и философия культуры — *ценностные* дисциплины. Настоящая статья посвящена дальнейшему развитию упомянутой концепции. Однако систематическим изложением элементарных теоретических оснований указанной концепции мы в данной работе заниматься не будем, так как это чрезмерно увеличило бы объем статьи и отвлекло бы от ее главной задачи. Поэтому отошлем читателя к соответствующим монографиям [Там же] и статьям [17–19, 28–30]. В дополнение к той системе разъяснений и точных дефиниций, которую читатель может найти в указанной литературе, ниже в качестве примера даны точные табличные определения некоторых из тех ценностных функций, которые являются семантическими значениями или денотатами слов и словосочетаний естественного языка *гуманитарных* дисциплин.

Поскольку в формально-аксиологической семантике естественного языка денотатами слов и словосочетаний являются ценностные функции от некоторого конечного числа ценностных переменных (могущие быть точно определенными с помощью ценностных таблиц), постольку далее в настоящей статье целесообразно привести конкретный пример маленького, но вполне репрезентативного *формально-аксиологического словаря*. Его разнообразные расширения (множество других формально-аксиологических словарей, насчитывающих много десятков, а иногда и сотен ценностных терминов) читатель может найти в статьях и монографиях автора [14–19, 28–30] или же сконструировать самостоятельно: или просто в качестве упражнения, или для использования при решении какой-то своей специфической задачи. Переходы от одного *локального* формально-аксиологического словаря к другому обусловлены изменениями тем разговора, приводящими к изменениям используемых словарных запасов. Но все эти *тематически* различные (локальные) словари (глоссарии) друг другу не противоречат, а, как правило, находятся в отношении или пересечения, или дополнения, или включения.

Когда утверждается, что в формально-аксиологической семантике естественно-го языка гуманитарных дисциплин слова и словосочетания обозначают ценностные функции от некоторого конечного числа ценностных переменных, слово «функция» употребляется в его собственно математическом значении. Функция есть отношение между множествами. В данной работе исследуются отношения между множествами ценностных значений действий (или ценностных значений субъектов действий), в особенности отношения между множествами моральных ценностных значений поступков или агентов (индивидуальных или коллективных — неважно). В формально-аксиологической семантике естественного языка ригористической (двузначной) морали ценностными значениями поступков и агентов являются элементы множества $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$. Здесь слова «хорошо (добро)» и «плохо (зло)» употребляются в их собственно моральном значении. Когда в математике говорят о функциях как об отношениях между двумя множествами, то одно из этих двух множеств называется областью допустимых значений функции (ОДЗ), а другое — областью (изменения) значений функции. В настоящей статье обсуждаются такие и только такие ценностные функции, областью допустимых значений (ОДЗ) которых является вышеупомянутое множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$ и областью (изменения) значений которых является то же самое множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$. Используя общеизвестную в математике символику, можно сказать, что в данной работе обсуждаются функции $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, если речь идет о функциях от одной переменной; обсуждаются функции $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, где « \times » — знак *декартова произведения множеств*, если речь идет о функциях от *двух* переменных; обсуждаются функции $\{x, p\}^N \rightarrow \{x, p\}$, если речь идет о функциях от N переменных, где N — какое-то конечное целое положительное число.

Итак, ниже в данной статье предлагается некий небольшой словарь терминов языка формальной этики морального ригоризма. Что означает слово «формальная» в словосочетаниях «формальная этика», «формальная аксиология»? Оно означает, что, поскольку предметом обсуждения являются не только *постоянные* ценности (аксиологические *константы*), а еще и *переменные* ценности (аксиологические переменные), постольку в развитом языке морали необходимо существование средств обозначения не только моральных ценностных функций, но и моральных *ценностных переменных*, от моральных значений которых зависят эти функции. Но что является денотатом символа, обозначающего независимую моральную *ценностную переменную*? В формально-аксиологической семантике языка морали денотатом такого символа является *простая моральная форма деятельности, отвлеченная от ее конкретного содержания*. По определению моральная форма деятельности называется простой, если и только если она не содержит в себе моральных операций, применяемых к действиям или агентам. Из простых моральных форм деятельности с помощью моральных операций (моральных связей), применяемых к действиям, можно образовать *сложные моральные формы деятельности, отвлеченные от их конкретного содержания*. Для обозначения *моральных форм деятельности (как простых, так и сложных), отвлеченных от их конкретного содержания*, договоримся использовать выделенные курсивом строчные буквы (*a, b, c, ...*).

Поскольку в аксиологической семантике языка этики используются «*пустые*» моральные формы деятельности (абстрагированные от специфического содержания), постольку эта семантика языка этики является *формально*-аксиологической. Она имеет своим предметом «*чистые*» моральные формы (освобожденные от конкретного содержания) и ценностно-функциональные взаимосвязи между ними. Если в «*пустую*» моральную форму поступка «вставить» какое-то конкретное содержание, то получится некий поступок. В двузначной алгебре формальной этики поступков по определению поступками называются такие (и только такие) действия, которые либо имеют моральное значение «хорошо», либо имеют моральное значение «плохо». Поскольку в свободную от конкретного содержания «чистую» моральную форму можно «вставить» какое угодно конкретное содержание, постольку, в принципе, его можно как угодно *менять*, и поэтому в зависимости от *изменения* конкретного содержания моральная форма будет принимать различные моральные значения из множества $\{x, p\}$. Согласно сказанному *моральные формы деятельности a, в, с* обозначают (независимые или зависимые) ценностные *переменные*, принимающие значения из множества $\{x, p\}$.

Словарь любого языка (как естественного, так и искусственного) представляет собой некий (обычно большой) конечный список упорядоченных пар (нередко насчитывающий несколько десятков тысяч пар), в каждой из которых первый элемент (обычно располагающийся слева) есть слово или устойчивое словосочетание, денотат или значение которого определяется данным словарем. А второй элемент (обычно располагающийся справа) — конечное множество слов или устойчивых словосочетаний, денотаты или значения которых (с той или иной вероятностью) могут быть денотатами или значениями первого элемента пары. Если второй элемент (назовем его «*правым*») — одноэлементное множество, то первый элемент (назовем его «*левым*») называется *термином*. (Он по определению не может быть многозначным.)

В случае формально-аксиологического словаря первым («*левым*») элементом каждой входящей в словарь упорядоченной пары является некоторое выражение, представляющее собой устойчивую комбинацию слов и вспомогательных символов, обязательно включающую в себя по крайней мере один символ, обозначающий *ценностную переменную*. (Но их может быть и два и N, где N — какое-то конечное целое положительное число.) Ниже приводится конкретный пример очень маленького формально-аксиологического словаря, так как более вместительный нарушит ограничения объема журнальной статьи, но этот маленький словарь вполне репрезентативен: дает возможность понять обсуждаемый общий принцип.

Глоссарий для табл. 1. Символ *Ба* обозначает ценностную функцию «*бытие, существование, наличие, жизнь* (чего, кого) *a*». *На* — «*небытие, несуществование, отсутствие, смерть* (чего, кого) *a*». *Ла* — «*бесконечность* (чего, кого) *a*». *Уа* — «*разрушение, уничтожение, убийство* (чего, кого) *a*». *Са* — «*саморазрушение, самоуничтожение, самоубийство* (чего, кого) *a*». *Ха* — «*самосохранение, самозащита, самоспасение* (чего, кого) *a*». *Да* — «*дозволение, дозволенность* (чего, кого) *a*». *Ва* — «*вера во* (что, кого) *a*». *На* — «*надежда на* (что, кого) *a*». *Ла* — «*любовь к* (чему, кому) *a*». *Га* — «*Бог* (чего, кого) *a* в монотеистической мировой

(вселенской) религии». Ja — «бог (чего, кого) a в политеистической локальной (народной, языческой) религии»¹. Da — «демон (чего, кого) a в политеистической локальной (народной, языческой) религии». Sa — «Сатана (Дьявол), Анти-Бог (чего, кого) a в монотеистической мировой (вселенской) религии». Перечисленные функции точно определяются табл. 1.

Таблица 1

Унарные операции алгебры формальной этики

a	Ба	Na	Ia	Ya	Ca	Xa	Da	Va	Ha	La	Ga	Ja	Da	Sa
x	x	п	x	п	п	x	x	x	x	x	x	x	п	п
п	п	x	п	x	п	x	п	п	п	п	x	п	x	п

Глоссарий для табл. 2. Символ K_2ab обозначает моральную ценностную функцию «единство, объединение a и b ». (Здесь нижний числовой индекс 2 указывает на то, что индексированный символ обозначает функцию от двух переменных.) Символ A_2ab обозначает ценностную функцию «неисключающий (моральный) выбор и совершение наилучшего поступка из тех, которые могут быть образованы из поступков a и b ». Символ I_2ab — ценностную функцию «исключающий (моральный) выбор и совершение наилучшего поступка из тех, которые могут быть образованы из поступков a и b ». V_2ab — ценностную функцию «воздержание от совершения обоих поступков (a и b)». T_2ab — «моральное тождество, неразличимость a и b ». C_2ab — «совершение (чего) b в ответ на совершение (чего) a ». Z_2ab — «моральное следование деятельности b из деятельности a ». E_2ab — «бытие, существование, наличие (чего, кого) b в (чем, ком) a ». H_2ab — «нападение, наступление (чего, кого) b на (что, кого) a ». Y_2ab — «разрушение, уничтожение, убийство (чего, кого) a (чем, кем) b ». X_2ab — «сохранение, защита, спасение (чего, кого) a (чем, кем) b ». Перечисленные функции точно определяются табл. 2.

Таблица 2

Бинарные операции алгебры формальной этики

a	b	$K2ab$	$A2ab$	$I2ab$	$V2ab$	$T2ab$	$C2ab$	$Z2ab$	$E2ab$	$H2ab$	$Y2ab$	$X2ab$
x	x	x	x	п	п	x	x	x	x	п	п	x
x	п	п	x	x	п	п	п	п	п	п	п	x
п	x	п	x	x	п	п	x	x	x	x	x	п
п	п	п	п	п	x	x	x	x	x	п	п	x

¹ Здесь в одном случае употребляется слово «Бог» (с большой буквы), а в другом — «бог» (с маленькой буквы), но это различие не случайно: оно указывает на качественное различие значений упомянутого слова в монотеистических и политеистических религиях. Качественное различие формально-аксиологических значений обсуждаемого слова, т. е. ценностных функций Ga и Ja , нетрудно заметить, внимательно сравнив их табличные определения (табл. 1).

Приведенные выше точные табличные определения моральных ценностно-функциональных значений целого ряда этических и богословских категорий — базисных слов и элементарных словосочетаний, образующих в совокупности основу любого религиозно-нравственного дискурса, — дают возможность конструировать и «вычислять» всевозможные сложные *композиции* моральных ценностно-функциональных значений сложных сочетаний этических и богословских терминов. В результате появляется возможность религиозно-нравственного рассуждения и убеждения путем «вычисления». Впервые на нее обратил особое внимание Г. В. Лейбниц [12, 491–497]. Вера в возможность и нетривиальность такого формально-этического дискурса в сфере теологии основывается на вере в *композициональность значений сложных словосочетаний естественного языка* культуры вообще и гуманитарных наук в частности. Но очень многие убеждены в том, что в естественном языке вообще и в нормативно-ценностной семантике языка гуманитарных наук в особенности принцип композициональности, являющийся очень сильной идеализацией, сталкивается с серьезными проблемами и ограничениями сферы применимости [6, 8, 10, 25–27, 31–36].

Если общеизвестный для лингвистов и логиков специфический принцип композициональности значений сложных словосочетаний естественного языка последовательно применить к тем фрагментам текстов, генерируемых на естественном языке, которые представляют собой суждения и рассуждения о ценностях, то нетрудно заметить неустранимые эффекты некомпозициональности — странные (удивительные), досадные (возмутительные) нарушения обсуждаемого логико-лингвистического принципа. Однако, по моему мнению, одной из причин веры в неустранимость некомпозициональности естественного языка при обсуждении ценностей является отсутствие осознания качественного различия семантик S^1 и S^2 естественного языка. В каждой из этих семантик существует свой собственный принцип композициональности. Тот, который общеизвестен и, согласно существующей очень сильной (нереалистичной) гипотезе, универсален (обозначим его символом K^1), существует и успешно «работает» только в S^1 . За пределами S^1 применение K^1 неуместно: приводит к «неустранимым» эффектам некомпозициональности. Чтобы их устранить, необходимо воздержаться от применения K^1 в S^2 . В (аксиологической) сфере S^2 нужно использовать существующий и успешно «работающий» в этой (и только в этой) сфере *аксиологический* принцип композициональности (обозначим его символом K^2). Но в чем он заключается, чем отличается от K^1 и какова его точная формулировка? Ниже представлена попытка дать ответы на эти вопросы.

3. Точная формулировка и примеры функционирования принципа композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка культуры (на материале естественного языка этики, теологии и художественной литературы)

Принцип K^2 в формально-аксиологической семантике естественного языка может быть точно сформулирован следующим образом: *формально-аксиологическое*

значение словосочетания есть ценностная функция, представляющая собой композицию ценностных функций, являющихся формально-аксиологическими значениями слов, входящих в это сочетание.

Проиллюстрируем сказанное конкретным примером. В написанных в 1914–1916 гг. XX в. дневниках Витгенштейна есть такая запись: «10.1.17. Если самоубийство дозволено, тогда все дозволено. Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено. Это проливает свет на сущность этики. Ибо самоубийство есть, так сказать, элементарный грех» [5, 149].

С точки зрения концепции формально-аксиологической семантики, развиваемой в данной статье, формально-аксиологическим значением сложного словосочетания «Если самоубийство дозволено, тогда все дозволено» является ценностная функция C_2DcAdb или формально-аксиологически эквивалентная ей функция Z_2DcAdb . «Вычислением» соответствующих ценностных таблиц нетрудно продемонстрировать, что эти функции являются положительными моральными константами (формально-этическими законами): в исследуемой алгебраической модели формальной этики имеют место следующие уравнения:

- 1) $C_2DcAdb = ++ = x$, где b — любой (произвольно взятый) поступок;
- 2) $Z_2DcAdb = ++ = x$.

В этих уравнениях слева от знака формально-аксиологической эквивалентности « $=++$ » находится сложная ценностная функция, представляющая собой композицию элементарных ценностных функций, точные табличные определения которых даны выше.

В процитированном выше отрывке из дневников Витгенштейна содержится также утверждение, представляющее собой результат контрапозиции предложения «Если самоубийство дозволено, тогда все дозволено». Результат контрапозиции этого предложения — «Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено». Согласно исследуемой в данной работе концепции формально-аксиологической семантики формально-аксиологическим значением сложного словосочетания «Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено» является ценностная функция $C_2NDbNDca$ или формально-аксиологически эквивалентная ей функция $Z_2NDbNDca$. «Вычислением» соответствующих ценностных таблиц нетрудно продемонстрировать, что эти функции являются положительными моральными константами (формально-этическими законами). В исследуемой алгебраической модели формальной этики имеют место следующие уравнения:

- 3) $C_2NDbNDca = ++ = x$;
- 4) $Z_2NDbNDca = ++ = x$.

В этих уравнениях слева от знака формально-аксиологической эквивалентности « $=++$ » находится сложная ценностная функция, представляющая собой композицию элементарных ценностных функций, точные табличные определения которых даны выше.

В идеале для полного понимания данной статьи необходимо познакомиться с системой подробных пояснений и точных определений, которая представлена в монографиях [15, 16] и статьях [17–19, 28–30]. Однако, надеюсь, что при наличии благоприятных условий в будущем читатель это когда-нибудь сделает, здесь

и сейчас необходимо дать следующие три важнейшие дефиниции, без которых приведенный выше конкретный пример не может исполнить свою роль.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-1: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); p (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом $\langle \Omega = + = \Delta \rangle$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом двузначной алгебры формальной этики является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон формальной этики есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон формальной этики, если и только если $\Omega = + = x$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: формально-аксиологическим противоречием в алгебре формальной этики называется ценностная функция, принимающая значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega = + = p$.

Заканчивая настоящую статью, целесообразно обратить внимание также и на следующий репрезентативный пример безупречной работы принципа композициональности в формально-аксиологической семантике религиозно-этического (философско-теологического) языка художественной литературы. Филологи, проделав большую работу по изучению художественного творчества Ф. М. Достоевского, констатировали факт, что в число широко распространенных «крылатых выражений», приписываемых Достоевскому, в частности его роману «Братья Карамазовы» [7], входит сентенция «Если Бога нет, то все дозволено» [9]. Однако, согласно Википедии, эта широко известная сентенция Достоевскому именно *приписана*. Цитирую: «“Если Бога нет, все позволено” (“Если Бога нет, все дозволено”) — крылатое выражение, приписываемое Ф. М. Достоевскому, которое обычно связывают с романом Достоевского “Братья Карамазовы”. Представляет собой краткое изложение взглядов Ивана Карамазова. Точной цитатой не является и как единая фраза в указанном романе отсутствует» [Там же].

Вероятно, филологи правы. Основываясь на положительной ценности разделения труда, я склонен довериться их профессионализму. Но для меня в данной статье совершенно безразлично, есть ли хоть в каком-то одном из художественных произведений Достоевского предложение «Если Бога нет, то все дозволено». Важен факт, что очень многие российские и зарубежные читатели его художественных произведений (и в особенности романа «Братья Карамазовы») чувствуют, что, согласно Достоевскому (или, если не ему, то одному из его персонажей), «Если Бога нет, то все дозволено». Этого вполне достаточно, чтобы считать лингвистическое исследование, точно определяющее (путем «вычисления»)

формально-аксиологическое значение обсуждаемой знаменитой сентенции, делом не пустяковым, а важным. Согласно такому исследованию семантическим значением этой сентенции является ценностная функция, определяемая следующим ниже уравнением двузначной алгебры формальной этики морального ригоризма (читатели могут *самостоятельно проверить* это уравнение, произведя «вычисления» согласно данным выше дефинициям):

5) $C_2NGaDb=+=Z_2NGaDb=+=x$, где b — *любой* (произвольно взятый) поступок.

Наряду с уже рассмотренными уравнениями, в связи с богословско-этической темой, читателям могут быть интересны также и следующие ниже:

6) $Ga=+=IXa$;

7) $BGa=+=IXBa$;

8) $NGa=+=NIXBa$;

9) $BGa=+=BGa$;

10) $BBGa=+=VIXBa$;

11) $C_2NIXBaDb=+=Z_2NIXBaDb=+=x$: Лактанций, Паскаль [9].

Автор статьи в Википедии справедливо отмечает, что *та же самая* мысль, которая содержится в «крылатой фразе Достоевского», ранее уже неоднократно высказывалась другими авторами (латинским богословом III–IV вв. Лактанцием, Паскалем [Там же]). Однако они высказывали *ту же самую* мысль *другими* словами и словосочетаниями. Тот важный факт, что обсуждаемые сентенции Лактанция, Паскаля и Достоевского *имеют одно и то же семантическое ценностное значение (с точностью до их формально-аксиологической эквивалентности)*, легко устанавливается с помощью уравнений 6–11 алгебры формальной этики. Также, используя эту алгебру, можно подвергнуть критике тезис Лакана и Жижека «Если Бог есть, то все дозволено» [Там же], так как уравнение $Z_2BGaDb=+=x$, моделирующее тезис Лакана–Жижека в алгебре формальной этики, ложно.

Подведем итоги. Научная новизна настоящей статьи заключается в данной выше математически точной формулировке и экзemplификации *формально-аксиологического* принципа композициональности, предлагаемой впервые в мировой лингвистической литературе. Естественным последствием введения в научный оборот качественно нового принципа композициональности является *обобщение* его старой формулировки. Кроме того, научная новизна статьи заключается в утверждении, что якобы необходимо некомпозициональный (и поэтому неизбежно «иррациональный») язык теологов, поэтов, писателей (и других деятелей искусства) не является таковым. В некоторых своих фрагментах язык художественной литературы, морали и теологии может быть математически точен и даже алгоритмичен, а его семантика может быть вполне композициональной (и поэтому может быть не «иррациональной», не «мистической», а вполне рациональной). В этом нетрудно убедиться, если систематически использовать предложенную в статье дискретную математическую модель *формально-аксиологического* принципа композициональности.

«Иррациональность» естественного языка художественно-философских произведений Ницше, Достоевского и многих других якобы абсолютно нелогичных (иррациональных) деятелей культуры, глубокие мысли и чувства которых якобы

в принципе невозможно «просчитать», — иллюзия [16]. Но эта иллюзия возникает вполне закономерно (неизбежно), если абсолютно отождествить естественный язык любого дискурса вообще (в том числе и дискурса в сфере культуры) с языком «Трактата» Витгенштейна. Стремление втиснуть весь естественный язык культуры (без остатка) в прокрустово ложе языка Я¹ есть стремление уничтожить культуру как таковую, что вполне соответствует декларациям о намерениях бихевиористов и прочих позитивистов в культурологии, вооружившихся «Бритвой Оккама» для обрезания всего лишнего, не имеющего семантического значения, и в особенности всего, что касается ценностей. Однако, вопреки позитивистам, речь о ценностях, нормах и эмоциях все-таки имеет формально-логическую семантику [13]. Более того, согласно настоящей статье для всестороннего изучения выраженных в естественном языке суждений и рассуждений о ценностях целесообразно перейти от их формально-логической семантики к формально-аксиологической, играющей роль важного дополнения.

1. Аларкон Х. Х. Религия и релятивизм во взглядах Людвиг Витгенштейна. Екатеринбург, 2011.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 407–492.
4. Витгенштейн Л. Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии. М., 1999.
5. Витгенштейн Л. Дневники, 1914–1916. М., 2009.
6. Горбатов В. В. «Гиперклассическая» логика Я. Хинтикки и принцип композициональности // Искусственный интеллект: Философия, методология, инновации : материалы I Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, МИРЭА, 6–8 апр. 2006 г. М., 2006. С. 118–121.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман в 4-х частях с эпилогом // Собр. соч. : в 7 т. М., 1994. Т. 6, ч. 1–3.
8. Драгалина-Черная Е. Г. Контекстуальность и композициональность: От «принципа Фреге» к когнитивным семантикам // Модели рассуждений-3 : Когнитивный подход. Калининград, 2010. С. 59–75.
9. Если Бога нет, все позволено // Википедия — Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Если_Бога_нет,_все_позволено (дата обращения: 27.11.2014).
10. Карнан Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М., 1959.
11. Кислов А. Г. Теоретико-предметные основания логики должного // Модели рассуждений-5: Аргументация, коммуникация, общество. Калининград, 2012. С. 226–240.
12. Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 3.
13. Лобовиков В. О. Логико-математические модели познавательного и оценочного (ценностно-функционального) аспектов интересубъектных актов нормотворчества и ответственности: (Формально-логическая семантика морально-правовых норм, оценок и эмоций) // Эпистемы. Вып. 2. Екатеринбург, 2001. С. 135–162.
14. Лобовиков В. О. Дискретная математическая модель системы ценностных значений естественного языка и его формально-аксиологической структуры: (От системы ценностных констант к системе ценностных функций) // Язык, культура, общество : тез. докл. IV Междуна-род. науч. конф. Москва, 27–30 сент. 2007 г. М., 2007. Т. 1. С. 126–127.
15. Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург, 2007.

16. Лобовиков В. О. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой»: Дискретная математическая модель нищезанской философии сознания, религии, морали, права и преступления. Екатеринбург, 2009.
17. Лобовиков В. О. Два мира, два языка, две семантики, двузначная алгебра этики и «кочерга Витгенштейна» (попытка удовлетворить просьбу Витгенштейна привести ему пример этического принципа) // Дні науки філософського факультету-2012, міжнарод. наук. конф. (18–19 квітня 2012 року) : матеріали доповідей та виступів. Київ, 2012. Ч. 10. С. 70–71.
18. Лобовиков В. О. От формальной логики к формальной этике: (От учения Джона Остина о перформативах к двузначной алгебре формальной аксиологии) // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3 : Общественные науки. 2012. № 4. С. 17–31.
19. Лобовиков В. О. Учение Августина Блаженного о божественном воздаянии с точки зрения двузначной алгебры формальной этики // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 52–66.
20. Микиртумов И. Б. Теория смысла и интенциональная логика. СПб., 2006.
21. Микиртумов И. Б. Теория смысла в общей интенциональной логике (от принципа композициональности к эпистемическим установкам) : дис... докт. филос. наук: 09.00.07. СПб., 2006.
22. Микиртумов И. Б. Логика предмета Эрнста Малли: между логическим следованием и понятием причины // Логика, язык и формальные модели / под ред. Е. Н. Лисанюк, И. Б. Микиртумова, Ю. Ю. Черноскутова. СПб., 2012. С. 105–115.
23. Суздальев Е. Н. Алексиус Мейнонг: теория предметов (логико-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.07. СПб., 1991.
24. Суздальев Е. Н. Эрнст Малли: от теории предметов к логистике // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке : материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 16–17 июня 1994 г. СПб., 1994. Ч. 2. С. 39–41.
25. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.
26. Черноскутов Ю. Ю. Принцип композициональности и принцип контекста у Г. Фреге // Логико-философские штудии. Вып. 4. СПб., 2006. С. 193–211.
27. Horwich P. The composition of meanings // Philosophical Rev. 1997. Vol. 106. P. 503–533.
28. Lobovikov V. Mathematical simulating formal axiological semantics of natural languages: (A fundamental generalization of mathematical philosophy: from truth-values to axiological ones) // Философия, математика, лингвистика: аспекты взаимодействия : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 20–22 нояб. 2009 г. СПб., 2009. С. 128–132.
29. Lobovikov V. Formal-axiological semantics of natural language: A look at K. Godel's first incompleteness-theorem from the value-world", which is transcendent to the "fact-one" of L. Wittgenstein's "Tractatus" // Австрия как культурный центр Европы : материалы междунар. науч. симп., Екатеринбург, 25–28 окт. 2011 г. Екатеринбург, 2011. С. 118–127.
30. Lobovikov V. Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues. Oxford, United Kingdom : Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.
31. Pagin P. Communication and strong compositionality // Journal of Philosophical Logic. 2003. Vol. 32. P. 287–322.
32. Pelletier F. J. The principle of semantic compositionality // Topoi. 1994. Vol. 13. P. 11–24.
33. Pelletier F. J. Did Frege believe in Frege's Principle? // Journal of Logic, Language, and Information. 2001. Vol. 10. P. 87–114.
34. Pelletier F. J. Context-dependence and compositionality // Mind and Language. 2003. Vol. 18. P. 148–161.
35. Principle of compositionality // Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Principle_of_compositionality (дата обращения: 21.10.2014).
36. Werning M., Hunzen W., Mächery E. (eds.). The Oxford Handbook of Compositionality. Oxford, 2012.